

Белия приподнял брови. Он подпер рукой подбородок и с живым интересом посмотрел на Локи.

Белиа, чьи сокровищницы то и дело забивали до отказа подобными подношениями, вовсе не был новичком в таких делах.

Локи с загадочным видом извлек на свет деревянную шкатулку. С виду она ничем не отличалась от той, что он прежде отдал Леголасу, но стоило ее открыть, как оттуда хлынул ослепительный серебристо-белый свет.

Внутри лежала овальная, сияющая ослепительно-белым светом драгоценность — чистая и прозрачная.

Это Аркенстон, — самодовольно улыбнулся Локи. — Семь королей гномов почитают его как символ королевской власти. Пусть эта банда коротышек не представляет собой ничего особенного и выглядит донельзя уродливо, сам по себе Аркенстон невероятно прекрасен.

Локи пристально посмотрел на Белиа и серьезно произнес:

Лишь вы достойны владеть этим Аркенстоном.

Белиа рассмеялся. Глядя на Локи, который так и светился ожиданием похвалы, он даже не стал спрашивать, как именно тот ухитрился вытащить Аркенстон из-под носа у злобного дракона в Одинокой горе. Воспитанник, которого он вырастил, просто не мог не справиться с какой-то жалкой ящерицей. Не волновало его и то, не наживет ли Локи кровного врага в лице гигантского дракона: подумаешь, дракон. Будь у Локи робкий и трусливый характер, Белиа и взглядом бы на него не поспешил.

Белиа протянул руку и поднял Аркенстон, из-за которого гномы едва ли не сходили с ума.

Самоцвет испускал ослепительное серебристо-белое сияние.

Взгляд же самого Белиа оставался совершенно спокойным.

Чего только он не повидал в своей жизни — и как серафим, и как владыка Ада! Пусть этот Аркенстон был по-своему хорош, он все же не дотягивал до кристаллов, которые серафимы создавали силой собственного сияния.

Вся разница заключалась лишь в особом значении, которое таил в себе этот камень.

Это был не дар, принесенный навязанными подчиненными, а искренний жест от маленького ученика, в воспитание которого он вложил немало сил и отпустил в свободное плавание.

В этот момент дверь на кухню отворилась, и оттуда вышел Джон Константин, чьи руки были измазаны мукой.

Он забыл взять один из ингредиентов — плоды красного клена.

Однако, отряхнув ладони от муки и подняв голову, Константин внезапно увидел Белиа, державшего в руках Аркенстон.

Его взгляд невольно замер.

Что ни говори, а серафимы рождались по воле самого Создателя, получая в дар Его благодать. Они обладали невыразимой, доведенной до абсолюта красотой, силой, уступающей лишь божественной, и молодостью, неподвластной вечности.

Даже покинув Небеса и воцарившись в Аду, ни Люцифер, ни Белиа ни капли не утратили своего великолепия — они лишь являли миру иную грань, истолковывая темную и глубокую красоту по-своему.

Когда сияние серебристо-белого самоцвета упало на владыку Ада, его виски, брови и ресницы словно подернулись серебром, а в глазах отразились чистые белые звезды. На мгновение Джону показалось, будто перед ним возник совсем другой образ.

Каким же был Белиа до того, как пал с Небес?

Белиа чуть приподнял веки, ощутив на себе взгляд Константина. Затем он откинулся назад, слегка вздернул подбородок и лениво скользнул по Константину глазами, в которых по-прежнему играли отсветы драгоценного камня.

Как снисходительный владыка Ада, Белиа великодушно позволял этому смертному созерцать свое сияние.

Но Константин тут же отвел глаза и большими шагами направился в кладовую.

Белиа: «.....»

Горькая правда.

Константин: Что-то здесь не так! Каким бы писанным красавцем ни был Белиа, он всё-таки падший ангел одного с ним пола. Если уж говорить о его вкусах, то пусть не блондинка с голубыми глазами, тонкой талией и длинными ногами, но это должна быть нежная, миловидная женщина — верно? Пусть даже не человек, но женщина же! Ну правда ведь, женщина?!

Константин смахнул пот со лба. Ему и так хватило неприятностей из-за той давней аферы; узнай Белиа, что он втайне зарится на его неземную красоту, и бог ведает, каким бесчеловечным пыткам тот его подвергнет.

Пусть нынешняя жизнь в качестве отработки долга за труд и была полна горечи, но по крайней мере его пока не сослали на круги Ада, а значит, грех было жаловаться.

Выражение лица Белиа не изменилось, но пальцы невольно сжались сильнее.

Раздался отчетливый хруст, и остолбеневший Локи воочию увидел, как по серебристо-белому Аркенстону под пальцами превосходительного Белиа поползли трещины, похожие на паутину.

Встретившись взглядом с ошеломленным лицом Локи, Белиа неторопливо произнес:

Этот камень оказался не столь уж прочным.

Локи моргнул. Хоть на дне души у него и шевельнулось смутное подозрение, но из-за пяти лет глубокого почтения и любви к Белиа он без колебаний кивнул:

Это моя вина, раз я смел преподнести вам столь никчемную вещь.

Локи опустился на одно колено и произнес со всей серьезностью:

Надеюсь, вы не гневаетесь.

.....Локи, твое усердие я принял. — Белиа протянул руку и ласково коснулся черных волос юноши, смягчив голос. — Ты хороший мальчик.

Глядя на Локи, Белиа наконец-то сполна познал ту крошечную радость от воспитания детеныша, хотя большую часть времени о мальчике заботились Говард и Мария. Впрочем, вспомнив, что те души изначально были наняты им для присмотра за Локи в роли дворецкого и няньки, Белиа с чистой совестью решил, что этого ребенка вырастил он сам.

Подушечки пальцев Белиа, сжимавшие Аркенстон, легко скользнули по испещренной трещинами поверхности камня, и миг все трещины бесследно затянулись. Прежде слишком резкое и ослепительное серебристо-белое сияние стало мягким и приглушенным, а в самом сердце прозрачного самоцвета заструилась сила самого Белиа.

В одно мгновение заурядный белый самоцвет, обладавший разве что красотой и символическим значением, превратился в кристалл невероятной магической мощи.

Больше всего поражало то, что сила, таившаяся внутри камня, была отнюдь не темной — она излучала свет.

Свет и тьма — всего лишь свойства энергии, но Белиа, чья природа с самого рождения оставалась хаотичной, мог по своему желанию обращать собственную силу то во тьму, то в свет.

Он обнаружил это лишь тогда, когда оказался в Аду: в отличие от остальных обитателей преисподней, которые, погрузившись во тьму, уже не могли стать светлыми, он, казалось, сохранил способность возвращаться к светлой атрибутике.

Вот только сам Белиа прежде никогда подобным не занимался.

Эту вещь я беру.

Наступила ночь. По заведенному порядку Белиа использовал Константина в качестве подушки.

За пять лет Константин из человека, которому нечего было сказать, превратился в образец невозмутимости. По крайней мере, Белиа больше не вытворял с его душой никаких фокусов и не использовал его просто как живой матрас.

По правде говоря, методы Белиа отличались умеренностью: превращение тела в желе не доставляло боли или физических страданий, но едва ли найдется много желающих сохранять олимпийское спокойствие, воочию наблюдая, как твое собственное тело приобретает столь жуткий вид.

Теперь же ему приходилось жертвовать лишь поясницей под изголовье, а учитывая, что вес владыки Ада был почти невесом, неудобства сводились разве что к прядям волос Белиа, которые то и дело забирались за воротник и щекотали кожу — терпеть было можно.

Но сегодня ночью Константин чувствовал себя не в своей тарелке от макушки до пят.

Лежа в постели, он то и дело украдкой косился на определенную часть тела Белиа.

Ад славился своими суккубами — чаровницами, способными одним лишь взглядом заставить смертного добровольно отдать им душу. Уж у владыки Ада наверняка от желающих разделить с ним ложе отбоя не было?

Но погодите-ка, разве у ангелов вообще есть эта штука?

Мысли Константина вильнули куда-то не туда.

Разве в религиозных преданиях не говорится, что ангелы бесполо? Если уж у Белиа имелось то самое мужское достоинство, почему за пять лет ни разу не было заметно, чтобы он хоть как-то им пользовался?

Он ведь в конце концов пал с Небес, неужто до сих пор соблюдает небесные обеты?

Даже Гавриил, сохранивший свои двенадцать крыльев света, и тот завел себе смертного возлюбленного — говорили, под Новый год они даже официально зарегистрировали брак.

Белиа, до того державшего глаза закрытыми, вдруг холодно подал голос:

Джон Константин, на что это ты пялишься?

Коситься на него то с одним выражением, то с другим и надеяться остаться незамеченным — неужели этот сорванец всерьез думал, что ускользнет от его чувств?

Константин как раз предавался бурным фантазиям, поэтому от неожиданности брякнул первое, что пришло в голову:

Я смотрю, есть ли у тебя пени...

Он резко захлопнул рот, едва успев проглотить последнюю букву.

Пенни? — Белиа открыл глаза. В отсветах звезд за окном его черные зрачки казались настолько острыми, что, казалось, могли прожечь человеческую душу насквозь.

Константин смутился. Криво усмехнувшись, он поспешно исправился:

Да-да, именно пенни, я как раз думал, есть ли у тебя вообще пенис...

Он снова яростно зажал рот ладонью. Черт возьми!

Определенно, Белиа применил какое-то колдовство, раз заставил его выболтать всё, что творилось у него в мыслях.

Брови Белиа взлетели вверх.

Владыка Ада неторопливо приподнялся, испепеляя Константина насмешливым взглядом черных глаз, и тихо произнес:

Что такое, Джон Константин? Неужто захотелось взглянуть?

И в мыслях не было! — отрезал Константин. Сегодня он точно сошел с ума, раз додумался размышлять о подобном.

Хм. — Взгляд Белиа скользнул ниже, многозначительно задержавшись на пахе Константина.

У Константина на затылке зашевелились волосы. Теперь он окончательно уверовал в то, что ангелы — существа бесполое, а его слова наверняка задели Белиа за живое. Он поспешно скрестил ноги, загораживая пах от недоброго взгляда владыки Ада, и как можно спокойнее произнес:

Поздно уже. Спать не пора?

Белиа фыркнул:

Мне сон ни к чему.

Константин: «.....»

Интересно, кто это тогда каждый вечер засыпает ровно в девять, используя его в качестве подушки?

Последовала особенно многозначительная фраза от Белиа:

К тому же, у некоторых экземпляров даже при наличии одного толку чуть, максимум — инструмент для справления нужды.

Константин вытаращил глаза. Он... он... что сейчас сказал?!

Уголки губ Белиа изогнулись, а в черных глазах на миг мелькнуло редкое веселье:

Каково это — чувствовать свою несостоятельность?

Константин медленно разинул рот и выпалил:

Так это ты?! А я-то думал, с чего бы мне... — он резко замолк, его лицо то бледнело, то покрывалось красными пятнами.

Белиа склонил голову набок, с видом самого невинного простодушия произнес:

Когда пытаешься меня обмануть, твоя душа перестает принадлежать тебе. То, что я не забрал ее тогда, вовсе не значит, что твоему нутру позволено и дальше смердеть чужими людьми.

Нахмурившись, Белиа добавил уже серьезно:

Изначально от твоей души пахло сносно, но душа той барменши уже начала разлагаться. Тебе не стоило сближаться с ней настолько.

Белиа имел в виду тот день двадцатилетней давности, когда, откликнувшись на зов Константина, он явился в мир смертных, заодно подвинув собственного подчиненного.

По правде говоря, тот Белиа и сам толком не понимал, зачем откликнулся на призыв какого-то смертного да еще и прогнал того демона, который собирался явиться первым. Но раз уж откликнулся, почему бы заодно не помочь людишкам прикончить эту тварь.

Даже заняв трон Ада, Белиа по-прежнему терпеть не мог демонов, особенно тех, кто поднимал руку на детенышей.

Тогда он использовал призыв Константина лишь как удобный способ пробраться в мир смертных. Если бы не актерская игра Константина, в наглуую вравшего ему прямо в глаза, Белиа планировал прикончить демона и просто прогуляться среди людей.

Он не марал руки сбором человеческих душ, но творческая жилка смертных была весьма занята — вещицы, которые они изобретали, порой увлекали даже падших ангелов.

И надо же было Константину выкинуть такой номер...

Впрочем, к счастью, что Константин тогда отличился, иначе Белиа никогда бы не заметил, как сильно аромат его души притягивает падших ангелов. И пусть к нему примешивались запахи чужих душ — отчего порой першило в носу, — Белиа всё же проявил снисхождение к этому созданию, попутно избавив его от дурной привычки излишне сближаться с прочими человеческими душами.

Белиа посмотрел на Константина и предельно прямолинейно заключил:

Разве сейчас не стало лучше? Твоя душа пахнет чистокровно.

В голове Константина зазвенело. Он был готов взорваться!

А он-то ломал голову, почему каждое утро всё работает как надо, стоило же снять номер с красивой женщиной — ни малейшей реакции, за что он вдобавок схлопотал две пощечины.

Константин искренне полагал, что с ним что-то не так!

И надо же такому случиться: оказывается, во всем был виноват этот проклятый падший ангел.

Прекрасно... Прекрасно, черт побери!

Осознав после новой встречи, что в прошлом он обвел вокруг пальца самого владыку Ада, который вдобавок бесцеремонно вытянул из него душу — да так, что это нарушало все законы мира людей, но никто и пальцем не пошевелил, чтобы остановить Белиа (даже та главная ангельша из Бюро Путешествий во Времени, услышав, что он перешел дорогу Белиа, тут же замолчала), Константин понял, насколько дрянки дела. С тех пор он вел себя тише воды ниже травы, надеясь заслуживать прощение примерным трудолюбием.

Но теперь, узнав, что из-за махинаций этого урода он годами мог справляться лишь правой рукой, сколько бы ни флиртовал с красотками — стоило дойти до постели, как «там» всё отказывалось подчиняться... Честно говоря, когда дело касалось мужской чести, Константин уже не думал о последствиях.

Белиа ошеломленно вытаращил глаза.

Потому что Константин с яростью смертника, готового пасть за правое дело, внезапно бросился на него и врезал прямо по лицу.

В тот момент Белиа действительно потерял дар речи.

С самого рассвета эпохи сотворения мира — будь то в ходе Священной войны серафимов против адских исчадий или в бесконечных стычках с небесным воинством в роли владыки Ада — еще ни один демон или ангел не смел замахнуться на него кулаком.

Вернее, во время Священных войн все пользовались стихийной магией или холодным оружием; никому и в голову не приходило сходитьсь врукопашную, да еще и целенаправленно бить в лицо.

Хрусь!

Цыц.

Сначала раздался четкий звук ломающейся кости, а затем последовал резкий вздох.

Лицо Константина побагровело. Чертов владыка Ада оказался сплошным монолитом: от его удара кожа на лице Белиа даже не покраснела, зато его собственные пальцы мгновенно сломались.

Черт! — выругался Константин, тряся кистью. Внутри него бушевали ярость и обида.

Если уж суждено было умереть, так какого черта он до сих пор чувствует боль?!

Противоречие миров.

Столкнувшись с разъяренным Константином, который был готов разорвать его зубами, Белиа коснулся пальцами щеки и с легким изумлением посмотрел на него. В его голосе прозвучало едва уловимое удивление:

Ты... сердишься?

Скривясь от боли в поврежденной руке, Константин заорал во всю моль:

Да как мне не сердиться?!

Белиа моргнул:

Соитие у людей служит для продолжения рода, а ты, Джон Константин, заводить потомство не собираешься. Ты ведь не хочешь, чтобы твой дар передался детям и они изо дня в день якшались с ангелами или демонами.

Наклонив голову, Белиа выразил искреннее недопонимание:

Раз у тебя нет планов на потомство, какой смысл спариваться со смертными женщинами?

Константин подавился воздухом. Яростно выдохнув, он вперил в Белиа убийственный взгляд:

При чем тут продолжение рода?! Мне... мне просто необходима половая жизнь, ясно тебе?!

Белиа доводил его до белого каления. Разве мужчины не нуждаются в этом? Ну неужели так трудно понять?!

Ах да, он же забыл: перед ним бесполое создание, которому чужды подобные муки!

Константин без колебаний мысленно поставил на предыдущих подозрениях окончательный крест.

Пусть даже у Белиа есть пол, в его глазах он останется бесполом!

Яростно скрипнув зубами, Константин решил больше не махать кулаками — пальцы на руках болели слишком сильно, чтобы рисковать.

Будь у него сейчас то золотое кольцо на палец, что выковал Биман, он бы непременно огрел им Белиа по физиономии.

Но ты же можешь удовлетворять себя сам. — Белиа хладнокровно заметил: — Я не вижу принципиальной разницы между этими двумя способами. Ты ведь испытываешь оргазм, не так ли?

Константин ошеломленно уставился на Белиа. Чего?

То есть он всерьез приравнивает мастурбацию к ночам с женщинами в постели?

Что за тараканы водятся в голове у этого падшего ангела?!

Стоит такому симпатичному парню, как он, пройтись по бару, как карманы плаща забиваются записками с номерами, — с какой стати ему заниматься самоудовлетворением?

Но, заглянув в глаза Белиа, Константин с изумлением понял, что владыка Ада рассуждает именно так.

Стукнув кулаком по кровати, Константин взвился:

Да я... я с тобой не сойду в мнениях! И вообще, это называется занятием любовью, прекрати называть всё это спариванием, я тебе не животное!

Белиа медленно моргнул и чуть склонил голову набок:

Ох...

Не успел Константин подумать, что достучался до Белиа, как услышал совершенно невинный вопрос владыки Ада:

А ты их любишь?

Константин: «.....»

Это же обычная связь на одну ночь, при чем тут любовь?

Судя по выражению лица Константина, ответ нашелся сам собой. Нахмурившись, Белиа прямо заявил:

Раз не любишь, то почему называешь это любовью?

Даже пав с Небес, он не испытывал потребности утолять плотские желания. В Аду хватало суккубов, пытавшихся пробраться к нему в постель, но Белиа не достаивал их и взглядом. Вернее, во всем огромном Аду, кроме красоты Люцифера, на которую еще стоило взглянуть, ничто другое привлечь его внимание не могло.

Белиа, остававшийся холостяком со времен сотворения мира, наотрез отказывался понимать людские взгляды на соитие.

Лицо Константина покрывалось то бледными, то алыми пятнами. Стыд и негодование, идущие из самой глубины души, разом заглушили даже адскую боль в сломанных пальцах.

У всех ведь всё устроено одинаково, почему же после слов Белиа ему начало казаться, что с ним самим что-то не так?

Яростно заскрежещав зубами, Константин прорычал:

Бесполезно тебе объяснять! Короче говоря... отрабатывать долг я буду, но лишать меня мужских прав ты не имеешь права!!

Ему осточертело крутить романы с собственной правой рукой!

Брови Белиа взлетели вверх. Он задумчиво посмотрел на побагровевшего от злости Константина.

Константин пошел ва-банк:

Слушай сюда, Белиа! Пусть сейчас я вынужден на тебя работать, но моя душа свободна, и ты не смеешь вот так...

Не успел он договорить, как палец, упершийся ему между бровей, заставил Константина мгновенно захлопнуть рот.

У Константина были все основания подозревать, что разгневанный владыка Ада готов прикончить его на месте.

В Ад так в Ад! — злобно подумал про себя Константин, не веря, что при всей своей

сметливости он не сможет пробить себе дорогу к выживанию даже в преисподней.

Твою просьбу я услышал.

Белиа произнес это совершенно ровным голосом.

Константин едва не задохнулся от возмущения — кто его вообще о чем-то просил, черт побери!

Белиа слегка закусил губу и неторопливо продолжил:

Но мне действительно не по душе, когда от тебя разит смесью чужих душ.

Константин был готов взорваться на месте: не нравится — не нюхай, спасибо большое!

<http://bllate.org/book/21222/2147513>